

Майкл Суэ́нвик

ОТЧАЯНИЕ И МАДАМ УТОЧКА

Самое лучшее предисловие к произведению Р.А.Лафферти начинается словами: «И они тоже рассказывают истории», а заканчивается: «Ну разве не странное вышло предисловие? Ничегошеньки не понимаю». Оно красуется на обложке романа «Дьявол умер» и написано самим автором. Лафферти, как за ним повелось, всех опередил и всех обошел.

Когда пишешь о Рафаэле Алоизии Лафферти, велико искушение пустить в ход его же инструменты: начать заигрывать с парадоксами и противоречиями, ослеплять безумными придумками и острым юмором, сумбурно излагать тонкие идеи посредством вызывающе примитивных фразеологизмов. Однако заниматься этим значит заведомо обречь себя на провал: мало того, что Лафферти на его поле не обыграешь, так еще и выглядеть будешь дурак дураком. С таким же успехом можно снять все деньги со счета в банке и пойти играть в наперстки. Ежу понятно, чем все закончится.

Поэтому я обойдусь без тонкостей. Как можно топорней представлю несколько фактов, а после уже стану продираться к непростому заключению.

Всего важных фактов три:

Во-первых, Лафферти – один из лучших авторов, когда-либо работавших в направлении научной фантастики и фэнтези.

Во-вторых, оригинальней его в этой сфере никого не было и нет.

В третьих, все его вещи – не считая малых журнальных публикаций вроде этих – просто непубликабельны.

Чтобы по достоинству оценить творчество Лафферти, достаточно ознакомиться всего с одной его лучшей вещью – неподражаемым сборником рассказов «Девятьсот бабушек». Впрочем, и романы вроде «Окла Ханал», «Дьявол умер» или «Зеленое пламя» не менее представительны.

Дабы расписать, насколько все же Лафферти оригинален, мне не хватит ни места, ни времени. Если вкратце, то большинство писателей работают в рамках традиций. Вообразите: унылый жаркий день пробуждается в длинных предложениях, лениво тянущихся, словно пыльные дороги под давящим и душным бременем сплошного синего, без оттенков, неба. Одни вылизанные напряженные сцены. В коротких, рубленых фразах.

Разбитых на микроабзацы.

Но в этом нет ничего страшного. Многие великие литературные произведения создавались в рамках традиций. Однако те из нас, кто служит традициям, мучительно сознают: мы в самом лучшем случае можем поставить в заслугу себе то, что по большому счету нами унаследовано.

Лафферти, наряду с Джеймсом Джойсом и Амосом Тутуолой, принадлежит к группе уникальных писателей, которые с нуля создали собственный литературный язык. Джойс, понятное дело, был автором образованным, и сильное влияние на него оказывали античные тексты. Тутуола – носитель племенной культуры, и определить, что породил его собственный гений, а что он позаимствовал у народа, сумеет лишь тот, кто знаком с традициями йоруба. Лафферти постоянно заимствовал из устной традиции американских баек, у писателей, которых забыли или на которых не обращают внимания, и из источников, которые еще предстоит занести в анналы литературной истории. Для критиков он подлинная золотая жила, вот только открыть бы им его для себя.

Да, вещи его непубликабельны, но как вообще можно не публиковать такого автора?!

«Да это же бредятина!» – ответил мне один из редакторов. «Цифры удручают», – сказал другой, имея в виду убыточные продажи книг Лафферти. Однако все это – просто разные формулировки большого вопроса. Почему – не знает никто. Даже не догадывается. Тем не менее, факт остается фактом: в Нью-Йорке нет такого издательства, которое взялось бы за издание книг Р.А.Лафферти.

Но вот что странно: поинтересуйтесь у кого угодно из нашего цеха о судьбе Лафферти и неизменно нарветесь на сравнение с Филипом Диком. Казалось бы, двух таких разных авторов – в плане стиля, голоса, идей – и представить трудно, но тем не менее все как один повторяют: судьба одного постигнет другого.

Жизнь Филип Дик вел тяжелую: в поте лица создавал книги, которые изначально выпускались в мягкой обложке, перебивался мизерным доходом и никем не воспринимался всерьез, разве что небольшим числом дальновидных читателей. А вот после его смерти произошло феноменальное. Многие открыли его для себя. Его книги стали экранизировать. Сформировалось небольшое сообщество критиков, посвятивших свои труды его творчеству. Популярный композитор Тод Маковер написал по мотивам «Валиса» оперу, премьера которой состоялась в парижском Центре Помпиду. Такой вот ироничный поворот в жизни, и без того необычно закрученной.

В том, что Лафферти постигнет тот же итог, меня – не сговариваясь – уверяло столько людей, что всех и не перечислить. Впервые услышав сравнение с Диком, я решил: гм, любопытно. Во второй раз: совпадение? В третий я уже призадумался, а где-то между пятым и восьмым – лицом к лицу столкнулся с отчаянием.

Чтобы вам стало понятно почему, я поведаю о Мадам Уточке. Много лет Мадам Уточка бродила по улицам Филадельфии: толстая такая старушенция с утиной походкой. Во время приступов слабоумия – то есть практически постоянно – она бормотала себе под нос: «Кря-кря-кря-кря-КРЯ!! Кря-кря-КРЯ!!! Кря-кря-кря...» В городе ходил слух, будто она – глава богатой семьи. Безумная? Ну и пусть, зато о ней заботились. Родные отпускали ее бродить по улицам, но лишь по ее желанию. Один мой близкий друг как-то поклялся, что видел, как в конце дня, когда старуха закончила просить милостыню, ее забрал лимузин с личным шофером.

Сие – классический пример городской легенды. Подобные истории не возникают на пустом месте. Они рождаются спонтанно – как средство успокоения души для тех, кто видит нечто невыносимое.

Правда вскрылась только со смертью Мадам Уточки: нищенка, бездомная попрошайка. Особняк, лимузин и богатую семью люди придумали перед лицом невыносимой правды: безобидная старушка, пораженная тяжким умственным недугом, вынуждена жить на улице. И никто не знал, как ей помочь.

То же и с Лафферти. Он – один из лучших писателей в жанре научной фантастики. И определенно самый оригинальный. Но его вещи непубликабельны. Вот мы и утешаем себя, будто бы

сразу, как он умрет, по его книгам начнут снимать фильмы, станут издавать его биографии, выпускать собрания писем, появятся сообщества и журналы его имени, интеллигенция разольется в посмертных дифирамбах. Все это мы говорим себе потому, что альтернатива попросту невыносима.

Вот вам и повод для отчаяния.

Впрочем, не все то правда, что невыносимо. Есть весомый повод для надежды, а именно эта книга у вас в руках. «Железные слезы» – это лишь итог последней схватки в одной из самых примечательных – и героических – донкихотских литературных кампаний. Там, где Лафферти отвергали издательства, выросли сообщества малотиражных издательств, посвятивших свои усилия публикации всех неизданных романов Лафферти и сбору его разрозненных рассказов. Кроме «Эджвуд пресс», есть еще «Юнайтед мифолоджис», «Коррабори», «Крис Драмм букс», «Маньюскрипт пресс», «Брокен миррорз»... И это лишь известные мне.

Один из любимых литературных образов Маэстро – это Ламед-Вав Цадиким, поверье о том, что судьба мира зависит от заслуг тридцати шести праведников. Если бы так было в действительности, то редакторы Стив Пасечник, Дэн Найт, Крис Драмм, Брайан Колфин и иже с ними имели бы полное право причислить себя к их числу. Дела в области малотиражного книгопечатания обстоят так, что я могу с полной уверенностью утверждать: эти люди работают себе в убыток. А ветер популярности в литературе дует так, что с не меньшей уверенностью я могу также утверждать: те же люди могли бы неплохо зарабатывать, вкладывая равнозначные усилия в публикацию менее видных писателей. Критики на малотиражки практически и не смотрят.

И все же ребята стараются.

Положа руку на сердце, должен заметить: не всякую вещь следует сохранять просто ради сохранения. Какие-то рассказы в «Железных слезах» первоклассны, не хуже любого другого рассказа, который выйдет в этом месяце. Какие-то – нет. Порой видные писатели создают посредственные работы, но, как ключ к пониманию мысли и творчества Лафферти, сохранения заслуживают даже самые плохие его вещи. Чтобы в будущем их изучали и анализировали. Чтобы читали.

Чтобы их видели наши потомки.

Сравнимых с этими трудов не предпринимал никто с тех самых пор, как Дональд Вандрей и Огаст Дерлет, желая сохранить творческое наследие Г.Ф. Лавкрафта, основали «Аркхэм хаус». К моменту смерти Лавкрафт был уже всеми забыт, зато у его вещей – обеспеченное будущее. И это при том, что он и вполноцену не так хорош, как Лафферти.

Найт, Колфин, Драмм, Пасечник и другие верят, что Лафферти после смерти не просто не забудется, но еще и прославится. По иронии судьбы, эту уверенность разделяют и многие издатели, которые сегодня дают Лафферти от ворот поворот. Среди тех, кто знаком с сочинениями Лафферти, мало кто сомневается, что на его долю приходится несколько лучших вещей нашего времени. Все согласны в том, что они заслуживают сохранения и любви многих поколений читателей. Но сбудется ли это?

Отсюда вопрос: не тешим ли мы себя ложными надеждами? Может, все дело в отчаянии? Сам Лафферти, если судить по его рассказам и романам, отчаянию – лютый враг, он любит радость, смех, бродяг, ангелов, семерых праведников и их обормотанную братию. Нам остается следовать его примеру.

Ну, разве не странное предисловие? Ничегошеньки не понимаю.

Перевел Нияз Абдуллин